

УДК 327.5

Диффузия внутригосударственных вооруженных конфликтов посредством модели эпидемиологического заражения Кермака-Маккендрика: оправдана ли концептуальная аналогия?

Голубев Денис Сергеевич

Кандидат политических наук, доцент,
кафедра американских исследований,

Санкт-Петербургский государственный университет,

199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9;

e-mail: denis.golubev@yahoo.com

Аннотация

Статья посвящена феномену диффузии внутригосударственных вооруженных конфликтов, происходящей посредством распространения организованного насилия и аналогичной процессу, описанному с помощью модели в классической работе В.О. Кермака и А.Г. Маккендрика в 1927 году. Наряду с метафорами «эффект домино» и «лесной пожар», метафоры «конфликт-болезнь» и «распространение-заражение» являются одними тех образов, которые наиболее широко используются для демонстрации горизонтально-эскалационной динамики организованного насилия (его распространения от охваченного вооруженным конфликтом государства к его соседям и до потенциального распространения на весь регион). Автор поднимает вопрос концептуальной и аналитической обоснованности использования аналогии между физиологическим заражением и диффузией вооруженного конфликта. Проведенный анализ показывает, что данные явления демонстрируют значительные внешние подобия, в частности аналогичный характер влияния на объект заражения, зависимость от типа конфликта, предрасположенности к «заражению» и интенсивности контактов между источником и объектом. Однако ряд важных сущностных отличий, касающихся агентивности (субъектности) действия, изученности каналов и механизмов «заражения», а также опосредованности процесса пространственно-географическими факторами, свидетельствуют о концептуальной ограниченности аналогии с точки зрения ее объяснительной силы. В результате анализа автор приходит к выводу, что научное использование данной аналогии оправдано только в дескриптивных (описательных), но не экспликативных (объяснительных) целях.

Для цитирования в научных исследованиях

Голубев Д.С. Диффузия внутригосударственных вооруженных конфликтов посредством модели эпидемиологического заражения Кермака-Маккендрика: оправдана ли концептуальная аналогия? // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Том 5. № 6А. С. 7-17.

Ключевые слова

Вооруженный конфликт, внутригосударственный конфликт, региональный конфликт, интернационализация конфликта, диффузия конфликта, заражение, организованное насилие.

Введение

В международном публичном пространстве не раз обращалось внимание на то, что социально-политическая нестабильность и организованное насилие внутри государства могут перетекать через национально-государственные границы, охватывая соседние страны и порождая цепную реакцию, что может приводить к дестабилизации целых регионов. Например, сопутствующие эффекты и последствия геноцида в Руанде 1994 г. перетекли на территорию провинции Киву на востоке Заира (в настоящее время – Демократическая Республика Конго, ДРК), приведя к началу вооруженного конфликта в этой стране в 1996 г. В 1991-1992 гг. по союзным республикам Федеративной Югославии прокатилась волна принятия деклараций о независимости (Хорватия и Словения – в июне 1991 г., Македония – в сентябре 1991 г., Босния и Герцеговина – в январе 1992 г.), что спровоцировало межобщинное насилие, миграцию и массовые этнические чистки, а начало сепаратистского вооруженного конфликта в Хорватии существенным образом повлияло на дестабилизацию Боснии и Герцеговины в 1992 г. После того, как Армия Освобождения Косова, прибегнув к насилию, смогла добиться получения для албанцев широкой автономии (а позднее, в результате международной интервенции, и фактической независимости Косова от Сербии), албанцы в Македонии, родственные косовским албанцам, начали свою борьбу за расширение этнополитических прав, иногда переходившую в вооруженную фазу. Наконец, с конца 2010 г. по Северной Африке и Ближнему Востоку прокатилась волна революционных событий (так называемой «Арабской весны»), которые начались в Тунисе, были подхвачены в Египте, затем перекинулись в Ливию, Сирию, Йемен и ряд других стран и в итоге переросли в цепочку кровопролитных гражданских и этноконфессиональных войн, раздирающих регион по сей день.

Три метафоры часто используются для описания процесса диффузии нестабильности и организованного насилия между государствами, а именно сравнение этого процесса с «эффектом домино», пожаром (в частности, лесным пожаром) и заражением (согласно модели Кермака-Маккендрика). В первом случае цепочка внутренних вооруженных конфликтов,

возникающих один за другим, представляется в виде модели, представляющей собой процесс последовательно падающих костяшек домино, каждая из которых приводится в движение предыдущей и в свою очередь подталкивает следующую. Во втором случае диффузия насилия внутри региона представляется аналогичной быстрому распространению пожара в лесном массиве, хотя скорость и интенсивность такого распространения зависят от ряда природных условий и наличия соответствующих ресурсов, так же как перетекание насилия и нестабильности обычно обусловлено наличием соответствующих благоприятных условий в соседних странах и связей между ними. Однако наибольший интерес представляет третья аналогия – сравнение диффузии внутренних вооруженных конфликтов с моделью заражения Кермака-МакКендрика. В основе такого сравнения лежит идея о том, что вооруженные конфликты и их последствия могут перетекать через национально-государственные границы, как бы «заражая» организованным насилием соседние (и не только) страны.

Данная статья нацелена на проверку формально-логической состоятельности и концептуально-аналитической оправданности указанной аналогии в пределах тех знаний о природе и механизмах пространственной диффузии вооруженных конфликтов, которые уже накоплены в политической науке и междисциплинарной области исследований проблем конфликтов и мира.

Диффузия вооруженных конфликтов и распространение инфекционных заболеваний: сходства и различия

На протяжении последних десятилетий проблема действия феномена диффузии посредством «заражения» поднималась и отчасти была раскрыта в отношении этнической диссимилиации и радикализации [Kuran, Lake, Rothchild, 1998, 35-60], протестных движений [Hill, Rothchild, Cameron, Lake, Rothchild 1998, 61-88; McAdam, Rucht, 1993, 56-74], мятежей [Horowitz, 2001, 374-422], государственных переворотов [Li, Thompson, 1975, 63-88; Miller, Joseph, Ohl, 2016, 1-32], межгосударственных конфликтов и войн [Most B., Starr, 1980, 932-946], а также вооруженных интервенций [Hammarström, Heldt, 2002, 355-377] и международного терроризма [Midlarsky, Crenshaw, Yoshida, 1980, 262-298]. Принцип, лежащий в основе диффузии гражданских войн и внутригосударственных вооруженных конфликтов в целом¹, заключается в том, что конфликт в одной стране повышает вероятность возникновения в ближайшем будущем конфликта в другой (как правило, соседней) стране, что отражает существование каузальных взаимосвязей между различными конфликтами в пределах одного региона. На самом деле сосредоточение вооруженных конфликтов в пространстве и

1 Согласно критериям Уппсальской программы данных по конфликтам (Uppsala Conflict Data Program), «внутригосударственный вооруженный конфликт» имеет место, когда стороны представлены официальным правительством и оппозиционной группировкой (группировками), а организованное насилие приводит к гибели как минимум 25 человек за один календарный год (для «гражданской войны» рубеж составляет 1000 погибших за один календарный год).

времени (кластеризация) может объясняться не только их диффузией, но и неоднородным распределением общих контекстных факторов (страновых характеристик), которые обычно приводят к разделению на «более благополучные» и «менее благополучные» регионы и ассоциируются с повышенным риском возникновения конфликтов в последних [Hegre et al, 2001, 33-48; Elkins, 2011, 1651-1674; Collier et al, 2003; Gleditsch, 2007, 293-309; Braithwaite, 2010, 311-319]. Но при этом и реальность эффекта диффузии через кросс-границные влияния подтверждается результатами ряда эмпирических исследований [Ward, Gleditsch, 2002, 244-260; Buhaug, Gleditsch, 2008, 215-233; Murdoch, Sandler, 2002, 91-110; Salehyan, Gleditsch, 2006, 335-336].

Диффузия вооруженных конфликтов происходит через механизм «заражения», который подобен эпидемиологическому заражению согласно модели Кермака-Маккендрика, – передачу от одного носителя другому при осуществлении контракта между ними. В случае с внутригосударственными вооруженными конфликтами «инфекционной болезнью» является организованное насилие. Носитель болезни (государство, на территории которого разворачивается конфликт) является источником заражения, а все остальные государства, расположенные в непосредственной близости, формируют группу риска быть зараженными.

Внешних сходств между рассматриваемыми явлениями, по нашему мнению, действительно много, даже несмотря на то, что одно из них относится к естественно-физическому миру, тогда как другое – к социальному. Войны (особенно гражданские) часто принимают эпидемический характер. Просматривается аналогия и между дисциплинами, которые систематически изучают данные два феномена, – эпидемиологией, с одной стороны, и полемологией (наукой о войне и мире) – с другой. В частности, очевидно их сходство с точки зрения нормативной направленности: первая нацелена на профилактику заболевания через понимание его патогенно-биологической природы, борьбу с осложнениями и выздоровление зараженных, последняя – на предотвращение, ограничение и разрешение насильственных конфликтов через понимание их социально-политической и социально-психологической природы.

Аналогично факторам, описанным в модели Кермака-Маккендрика, определяющим различную степень опасности заражения, разные типы внутригосударственных конфликтов могут с различной вероятностью возникать в разных социально-политических условиях. Например, Х. Бухауг и К. Гледитч выявили, что сепаратистские конфликты более подвержены диффузии, чем гражданские войны за контроль над центральным правительством, что может объясняться ведущей ролью, которую в рамках первого типа играют транснациональные этнические группы, обычно поддерживающие связи с родственными группами в других (соседних) странах региона. По аналогии: чем интенсивнее – с точки зрения количества жертв – конфликт, тем выше вероятность, что он охватит соседние территории [Buhaug, Gleditsch].

Исконно присущая государству большая или меньшая предрасположенность «к распространению вооруженных конфликтов» может объясняться различными устойчивыми страновыми характеристиками, связанными с уровнем экономического развития, характером государственно-политического строя, этнорелигиозным составом и т.д. В частности, обнаружено, что среди условно авторитарных режимов те из них, в которых действуют выборные законодательные органы, более восприимчивы к возникновению вооруженных конфликтов, поскольку их наличие благоприятно для формирования скрытых оппозиционных групп [Maves, Braithwaite, 2013, 478-490; Miller, Joseph, Ohl, 2016, 1-32]. Кроме того, такие режимы более предрасположены к заражению страны, характеризующейся этнической поляризацией, т.е. сосуществованием нескольких крупных, относительно равнозначных этнических групп, социально-политический баланс между которыми не всегда устойчив и может нарушаться под влиянием сопутствующих эффектов и последствий насильственных конфликтов в соседних странах [Li, Thompson, 1975, 73-88].

Текущий «иммунитет» государства к заражению (т.е. его невосприимчивость / сопротивляемость «инфекции» организованного насилия) может быть оценен на основе различного рода композитных индексов, характеризующих степень «состоятельности» (способности) или «несостоятельности» (уязвимости) государственности в данный момент времени. Отдельные исследования подтверждают прямую статистическую зависимость между составным показателем способности / состоятельности государства (*state capacity*)² и вероятностью возникновения конфликта на его территории [Linebarger, 2015, 583-600]. При этом степень состоятельности / уязвимости государства – величина непостоянная и может изменяться во времени, так же как и иммунитет организма может укрепляться и ослабевать.

Наконец, степень подверженности источнику заражения (или, другими словами, степень интенсивности контактов с таким источником) в случае с перетеканием организованного насилия между соседними государствами может определяться, например, протяженностью общей границы (что будет пропорционально возможности ее контролировать) и наличием естественно-географических преград на границе (высоких горных цепей, водоемов и др., которые могли бы выступать естественными барьерами для перемещения оружия, наемников и беженцев). Правда, достаточного эмпирического подтверждения влияния указанных факторов на возможность диффузии вооруженных конфликтов найдено не было.

Однако, несмотря на описанные выше внешние сходства между двумя феноменами (заражение, описываемое моделью Кермака-Маккендрика, и «заражение» как перетекание внутрисостоятельного вооруженного конфликта в соседние страны), использование данной аналогии сопряжено с рядом концептуальных и аналитических сложностей и ограничений. Между двумя явлениями есть существенные отличия, касающиеся агентивности (субъект-

2 Под способностью / состоятельностью государства (*state capacity*) в данном случае понимаются измеряемые в рамках установленной методологии объем и разнообразие эндогенных ресурсов, которые государство может мобилизовать в данный момент времени для противодействия чрезвычайным ситуациям.

ности) действия, каналов и механизмов «заражения», а также опосредованности действия пространством.

Во-первых, в отличие эпидемии, диффузия вооруженного конфликта связана с действием стратегических акторов в социальной среде. В этом смысле «заражение» организованным насилием представляет собой в полной мере социальное явление. Стратегическое решение о распространении или блокировании конфликта является осознанным выбором социально-политических акторов (агентов), руководствующихся собственными мотивационными соображениями и имеющимися возможностями. В частности, государственные акторы, особую роль которых в диффузии внутригосударственных конфликтов подчеркивает Н. Блэк [Maves, Braithewaite, 2013, 478-490], могут поддерживать повстанческие группировки в соседних странах или же отказывать им в такой поддержке. Немаловажное значение также имеет осознанное решение лидеров групп провести мобилизацию, которая позволяет перейти к коллективным действиям и почти всегда предшествует «заражению» [Midlarsky, Crenshaw, Yoshida, 1980, 262-298]. Таким образом проявляется так называемая «агентивность» (субъектность), являющаяся важнейшей чертой всех социальных явлений и процессов.

Во-вторых, механизмы и каналы заражения, посредством которых происходит распространение инфекционных заболеваний, изучены в значительно большей степени, чем аналогичные механизмы и каналы пространственной диффузии вооруженных конфликтов. Относительно последних современное конфликтологическое знание ограничивается лишь категоризацией ряда значимых факторов. В частности, к таким каналам «заражения» можно отнести: 1) сопутствующие эффекты и последствия конфликта, перетекающие через национально-государственные границы в виде потоков беженцев, оружия, наемников, вооруженных повстанцев, разрушения физической и экономической инфраструктуры [Most, Starr, 1980, 932-946; Silversen, Starr, 1991]; 2) транснациональные идентичностные связи между транснациональными этническими, религиозными, идеологическими и иными группами, проживающими на территории более одного государства [Salehyan, Gleditsch, 2007, 217-242]; 3) информационные связи (в том числе сетевые), позволяющие генерировать демонстрационный эффект, а также эффекты научения и подражания даже между теми странами, которые не имеют общей границы [Ward, Gleditsch, 2002, 244-260; Buhaug, Gleditsch, 2008, 215-233; Murdoch, Sandler, 2002, 91-110; Salehyan, Gleditsch, 2006, 335-336]. Но, несмотря на математико-статистическое подтверждение действия указанных выше каналов, точное и полное понимание механизмов «заражения», посредством которых происходит диффузия организованного насилия, в социально-гуманитарном знании на данный момент отсутствует, что затрудняет возможность предсказания таких событий.

Наконец, в-третьих, в отличие от физиологического процесса заражения, который напрямую обусловлен степенью контактности (близости) между источником и объектом заражения, современное понимание природы диффузии вооруженных конфликтов допускает возможность «заражения», которое не будет напрямую опосредоваться пространственно-

географической близостью. Так, третий из указанных ранее типов каналов «заражения», основанный на действии демонстрационного эффекта и эффекта научения, не характеризуется пространственной зависимостью. Например, подражание со стороны оппозиционной группировки одного государства действиям оппозиционной группировки в другом государстве, находящемся в состоянии внутреннего вооруженного конфликта, в эпоху информатизации возможно даже в том случае, если расстояние между этими государствами очень велико. Поэтому, несмотря на то, что большинство исследователей рассматривают «заражение» как процесс, имеющий место только между соседними государствами, есть немало и таких работ, в которых концептуализация диффузии вооруженных конфликтов допускает возможность влияния и между государствами, у которых нет общей границы [Weidmann, 2015, 285-296; Linebarger, 2016, 633-647].

Заключение

Таким образом, можно сказать, что при всей ее аналитической привлекательности, использование концептуальной аналогии между процессами, описанными моделью физиологического заражения (т.е. передачей инфекционного заболевания от одного организма другому) и «заражения», лежащего в основе диффузии внутригосударственных вооруженных конфликтов (т.е. перетеканием организованного насилия в другие, в основном соседние, страны), оправдано лишь отчасти. Внешних сходств между двумя явлениями действительно много, однако ряд сущностно-аналитических различий не позволяют поставить между ними знак полного концептуального равенства. В свете этого следует сделать вывод о том, что научно-ориентированное использование данной аналогии возможно только в дескриптивных (описательных), но не экспликативных (объяснительных) целях.

Библиография

1. Black N. The spread of violent civil conflict: rare, state-driven, and preventable. Department of political science: Massachusetts Institute of Technology, 2013.
2. Braithwaite A. Op. cit.
3. Buhaug H., Gleditsch K. Op. cit.
4. Cederman et al. Transborder Ethnic Kin and Civil War. International Organization. 2013. Vol. 67. No. 2. P. 389-410; Forsberg E. Transnational transmitters: ethnic kinship ties and conflict contagion 1946–2009. International interactions. 2014. Vol. 40. No. 2. P. 143-165.
5. Forsberg E. Polarization and ethnic conflict in a widened strategic setting. Journal of peace research. 2008. Vol. 45. No. 2. P. 283-300.
6. Fox J. Is ethnoreligious conflict a contagious disease? Studies in conflict and terrorism. 2004. No. 27. No. 2. P. 89-106; Buhaug H., Gleditsch K. Op. cit.; Black N. When have violent

- conflicts spread? Introducing a dataset of substate conflict contagion. *Journal of peace research*. 2013. Vol. 50. No. 6. P. 751-759; Weidmann N. *Op. cit.*
7. Hammarström M., Heldt B. The diffusion of military intervention: testing a network position approach. *International interactions*. 2002. Vol. 28. No. 4. P. 355-377.
 8. Hegre et al. Toward a democratic civil peace? Democracy, political change, and Civil War, 1816-1992. *American political science review*. 2001. Vol. 95. No. 1. P. 33-48; Elkins J. The international diffusion of democracy. *Comparative political studies*. 2011. Vol. 44. No. 12. P. 1651-1674; Collier et al. *Breaking the conflict trap: Civil War and development polity*. Oxford: Oxford University Press, 2003; Gleditsch K.S. Transnational dimensions of Civil War. *Journal of peace research*. 2007. Vol. 44. No. 3. P. 293-309; Braithwaite A. Resisting infection: how state capacity conditions conflict contagion. *Journal of peace research*. 2010. Vol. 47. No. 3. P. 311-319.
 9. Hill S., Rothchild D., Cameron C., Lake David A., Rothchild Donald (eds) *Tactical information and the diffusion of peaceful protests. International spread of ethnic conflict*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998. P. 61-88; McAdam D., Rucht D. The cross-national diffusion of movement ideas. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993. Vol. 528. P. 56-74.
 10. Horowitz D. Location, diffusion, and recurrence, Donald L. Horowitz. *The deadly ethnic riot*. Los Angeles, CA: University of California Press, 2001. P. 374-422.
 11. Kuran T., Lake David A., Rothchild Donald (eds) *Ethnic dissimilation and its international diffusion. International spread of ethnic conflict*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998. P. 35-60.
 12. Li R., Thompson W. The "coup contagion" hypothesis. *Journal of conflict resolution*. 1975. Vol. 19. No. 1. P. 63-88; Miller M., Joseph M., Ohl D. Are coups really contagious? An extreme bounds analysis of political diffusion. *Journal of conflict resolution, Online First*. 2016. P. 1-32.
 13. Linebarger C. Civil War diffusion and the emergence of militant groups, 1960-2001. *International interactions*. 2015. Vol. 41. No. 3. P. 583-600.
 14. Maves J., Braithwaite A. Autocratic institutions and civil conflict contagion. *Journal of politics*. 2013. Vol. 75. No. 2. P. 478-490.
 15. Midlarsky M., Crenshaw M., Yoshida F. Why violence spreads: the contagion of international terrorism. *International studies quarterly*. 1980. Vol. 24. No. 2. P. 262-298.
 16. Most B., Starr H. Diffusion, reinforcement, geopolitics, and the spread of war. *American political science review*. 1980. Vol. 74. No. 4. P. 932-946; Silversen R., Starr H. *The diffusion of war: a study of opportunity and willingness*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1991.
 17. Salehyan I., Gleditsch K. *Op. cit.*; Salehyan I. Transnational rebels: Neighboring States as sanctuary for rebel groups. *World politics*. 2007. Vol. 59. P. 217-242.
 18. Ward M., Gleditsch K. Location, Location, Location: An MCMC approach to modeling the spatial context of war and peace. *Political analysis*. 2002. Vol. 10. No. 3. P. 244-260; Buhaug H., Gleditsch K. Contagion or confusion? Why conflicts cluster in space. *International studies*

- quarterly. 2008. Vol. 52. No 2. P. 215-233; Murdoch J., Sandler T. Economic growth, civil wars, and spatial spillovers. *Journal of conflict resolution*. 2002. Vol. 46. No. 1. P. 91-110; Salehyan I., Gleditsch K. Refugees and the spread of Civil War. *International organization*. 2006. Vol. 60. No. 2. P. 335-366.
19. Weidmann N. Communication networks and the transnational spread of ethnic conflict. *Journal of peace research*. 2015. Vol. 52. No. 3. P. 285-296; Linebarger C. Dangerous lessons: rebel learning and mobilization in the international system. *Journal of peace research*. 2016. Vol. 53. No. 5. P. 633-647.

Diffusion of internal armed conflicts through the Kermack–McKendrick epidemic model: is the conceptual analogy justified?

Denis S. Golubev

PhD in Politics, Associate Professor,
Department of American studies,
Saint Petersburg State University,
199034, 7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: denis.golubev@yahoo.com

Abstract

The article discusses the phenomenon of diffusion of internal armed conflicts that occurs through the dissemination of organized violence and is similar to the process described by the model in the classic work of V.O. Kermack and A.G. Mackendrick in 1927. Along with the metaphors "Domino effect" and "forest fire", metaphors "conflict – disease" and "spread – infection" are images, which are most widely used to demonstrate the horizontal escalation of the dynamics of organized violence (its distribution from armed conflict of a state to its neighbors and to the potential distribution in the entire region). The author raises the question of the conceptual and analytical validity of the analogy between physiological contagion and the diffusion of armed conflict. The analysis shows that these phenomena exhibit considerable external similarity, in particular the similar character of influence on the object of infection, dependence on the type of conflict, propensity for "contamination" and intensity of contacts between the source and the object. However, a number of important differences in subjectivity of actions, knowledge of the channels and mechanisms of contagion and mediation process of the spatial-geographical factors indicate the conceptual limitations of the analogy from the point of view of its explanatory power. As a result of analysis, the author concludes that the scientific use of this analogy is justified only in descriptive, but not explicative purposes.

For citation

Golubev D.S. (2016) Diffuziya vnutrigosudarstvennykh vooruzhennykh konfliktov posredstvom modeli epidemologicheskogo zarazheniya Kermaka-Makkendrika: opravdana li kontseptual'naya analogiya? [Diffusion of internal armed conflicts through the Kermack-McKendrick epidemic model: is the conceptual analogy justified?]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 5 (6A), pp. 7-17.

Keywords

Armed conflict, internal conflict, regional conflict, internationalization of conflict, diffusion of conflict, contagion, organized violence.

References

1. Black N. (2013) *The spread of violent civil conflict: rare, state-driven, and preventable*. Department of political science: Massachusetts Institute of Technology.
2. Braithwaite A. *Op. cit.*
3. Buhaug H., Gleditsch K. *Op. cit.*
4. Cederman et al. (2013) Transborder Ethnic Kin and Civil War. *International organization*, 2 (67), pp. 389-410; Forsberg E. (2014) Transnational transmitters: ethnic kinship ties and conflict contagion 1946–2009. *International interactions*, 2 (40), pp. 143-165.
5. Forsberg E. (2008) Polarization and ethnic conflict in a widened strategic setting. *Journal of peace research*, 2 (75), pp. 283-300.
6. Fox J. (2004) Is ethnoreligious conflict a contagious disease? *Studies in conflict and terrorism*, 2 (27), pp. 89-106; Buhaug H., Gleditsch K. *Op. cit.*; Black N. (2013) When have violent conflicts spread? Introducing a dataset of substate conflict contagion. *Journal of peace research*, 6 (50), pp. 751-759; Weidmann N. *Op. cit.*
7. Hammarström M., Heldt B. (2002) The diffusion of military intervention: Testing a network position approach. *International interactions*, 4 (28), pp. 355-377.
8. Hegre et al. (2001) Toward a democratic civil peace? Democracy, political change, and Civil War, 1816-1992. *American political science review*, 1 (95), pp. 33-48; Elkink J. (2011) The international diffusion of democracy. *Comparative political studies*, 12 (44), pp. 1651-1674; Collier et al. (2003) *Breaking the conflict trap: Civil War and development polity*. Oxford: Oxford University Press; Gleditsch K.S. (2007) Transnational dimensions of Civil War. *Journal of peace research*, 3 (44), pp. 293-309; Braithwaite A. (2010) Resisting infection: how state capacity conditions conflict contagion. *Journal of peace research*, 3 (47), pp. 311-319.
9. Hill S., Rotchild D., Cameron C., Lake David A., Rothchild Donald (eds) (1998) *Tactical information and the diffusion of peaceful protests. International spread of ethnic conflict*. Princ-

- eton, NJ: Princeton University Press, pp. 61-88; McAdam D., Rucht D. (1993) The cross-national diffusion of movement ideas. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 528, pp. 56-74.
10. Horowitz D. (2001) *Location, diffusion, and recurrence. The deadly ethnic riot*. Los Angeles, CA: University of California Press, pp. 374-422.
 11. Kuran T., Lake David A., Rothchild Donald (eds) (1998) *Ethnic dissimilation and its international diffusion. International spread of ethnic conflict*. Princeton, NJ: Princeton University Press, pp. 35-60.
 12. Li R., Thompson W. (1975) The "Coup Contagion" Hypothesis. *Journal of conflict resolution*, 1 (19), pp. 63-88; Miller M., Joseph M., Ohl D. (2016) Are coups really contagious? An extreme bounds analysis of political diffusion. *Journal of conflict resolution, Online First*, pp. 1-32.
 13. Linebarger C. (2015) Civil war diffusion and the emergence of militant groups, 1960-2001. *International interactions*, 3 (41), pp. 583-600.
 14. Maves J., Braithewaite A. (2013) Autocratic institutions and civil conflict contagion. *Journal of politics*, 2 (75), pp. 478-490.
 15. Midlarsky M., Crenshaw M., Yoshida F. (1980) Why violence spreads: the contagion of international terrorism. *International studies quarterly*, 24 (2), pp. 262-298.
 16. Most B., Starr H. (1980) Diffusion, reinforcement, geopolitics, and the spread of war. *American political science review*, 4 (74), pp. 932-946; Silversen R., Starr H. (1991) *The diffusion of war: a study of opportunity and willingness*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
 17. Salehyan I., Gleditsch K. Op. cit.; Salehyan I. (2007) Transnational rebels: neighboring states as sanctuary for rebel groups. *World politics*, 59, pp. 217-242.
 18. Ward M., Gleditsch K. (2002) Location, location, location: an MCMC approach to modeling the spatial context of war and peace. *Political analysis*, 10 (3), pp. 244-260; Buhaug H., Gleditsch K. (2008) Contagion or confusion? Why conflicts cluster in space. *International studies quarterly*, 2 (52), pp. 215-233; Murdoch J., Sandler T. (2002) Economic growth, civil wars, and spatial spillovers. *Journal of conflict resolution*, 1 (46), pp. 91-110; Salehyan I., Gleditsch K. (2006). Refugees and the spread of civil war. *International organization*, 2 (60), pp. 335-366.
 19. Weidmann N. (2015) Communication networks and the transnational spread of ethnic conflict. *Journal of peace research*, 3 (52), pp. 285-296; Linebarger C. (2016) Dangerous lessons: rebel learning and mobilization in the international system. *Journal of peace research*, 5 (53), pp. 633-647.